

Линь Чжицзе прислонился к дверному косяку и знаком велел ему прекратить болтать языком:

— То, о чём я сегодня говорил, заруби себе на носу.

А Цзян держал в руках ключи от машины, собираясь подвезти Линь Юэцина, и слушал, как тот самозабвенно присягает на верность и обещает выполнить поручение партии.

Линь Чжицзе снова повернулся к А Цзяну и распорядился:

— На досуге найди какого-нибудь диетолога, пусть придёт в дом осмотрит его.

Наверное, привык перебиваться с хлеба на воду, пока жил с ним под одной крышей.

А Цзян согласился, пообещав всё устроить через пару дней.

Усевшись в машину, Линь Юэцин сделал телефонный звонок. В выражениях он не стеснялся, то и дело называя собеседника то сердечком, то сокровищем, и заявлял, что оставляет дверь приоткрытой и уже мчится обратно. Человек на том конце провода то ли ломал комедию, то ли капризничал, и они принялись пикироваться.

Закончив разговор, он тяжело вздохнул и принялся сокрушаться, что старший брат всё-таки умеет обращаться с людьми: возвращаешься домой за полночь, а тебя у порога ждут, да еще и чашка горячего чая наготове.

Пусть своенравная и взбалмошная егоза приносит немало хлопот, но уют домашнего очага тоже имеет свой особый вкус.

А Цзян, руля автомобилем, улыбнулся:

— И то верно, Сяоюй на редкость разумен и знает меру, в его-то годы... большая редкость.

Юэцин приподнялся на сиденье и с таинственным видом спросил:

— А Цзян, как думаешь, что на уме у моего брата, раз он спрятал его дома? С каких пор это длится, а имя до сих пор не вернул?

Из клана Линь никто не заглядывал, а старший дядя раньше наведывался частенько, но после смерти Линь Цзычэна перестал — пожалуй, не прошло еще и трех лет траура, так что от него всегда веяло дурными предзнаменованиями.

Однако Линь Чжицзе ничего не афиширует, новость о том, что он признал младшего брата,

скрывает за семью печатями. Это противоречит здравому смыслу, и чем дольше молчат, тем больше пересудов вызовет день, когда бумага наконец порвется.

— Раз Чжицзе держит его подле себя, на это наверняка есть причины.

А Цзян высказал такое предположение, но Линь Юэцин, не до конца всё поняв, углубился в раздумья:

— Какие тут могут причины, вряд ли же он из добрых побуждений вырастил его, чтобы потом вернуть той бессердечной матушке?

Старший брат никогда не занимался убыточными делами, он не из таких людей.

Правда, договорив, Юэцин сам судорожно втянул воздух, и на душе у него внезапно скребли кошки. Неужели... собирается отдать?

В мгновение ока они прибыли на место. В зыбком лунном свете кто-то тоже с замиранием сердца ждал Линь Юэцина, а А Цзян, глянув на часы, посоветовал ему лечь пораньше.

— До этого дело вряд ли дойдет. Всё зависит от того, искренне ли бьётся это сердце.

Каким человеком был его брат, читатели наверняка поймут в следующих главах.

Глава 6. История

— Что ты ел на ужин?

Линь Чжицзе прислонился к косяку прачечной и задал этот вопрос безо всякого предупреждения.

Фу Шиюй как раз собирался выветрить пальто и слегка пройтись по нему утюгом. Он думал, что Линь Чжицзе давно ушел наверх, и от неожиданности попятился на несколько шагов назад. Устояв на ногах, он ответил:

— Съел один сэндвич, а Сяобай — куриную грудинку с тыквой.

Стоявший у двери усмехнулся, хотя он вовсе не спрашивал про эту собаку.

— Как так вышло, что Сяобай питается лучше тебя?

Сяобай был бродячим псом из переулка Чуньни. В день, когда Фу Шиюй переехал в особняк клана Линь, эта собака крутилась вокруг него, словно не желая отпускать. По правде говоря, Линь Чжицзе и так проявил достаточно снисхождения, молчаливо позволив привезти дворовую псину из переулка Чуньни в новый дом.

Пенящаяся от воды шерсть собаки дрожала в машине. Фу Шиюй гладил её по телу, но так и не осмелился произнести вслух слова: не бойся. В конце концов, он и сам не знал, каким будет его будущее и станет ли от того, что он забрал её с собой, лучше или хуже.

Он думал, что он для Линь Чжицзе — всё равно что эта собака по кличке Сяобай для него самого: способ скрасить превратности судьбы.

Но страницы жизни переворачивались одна за другой, и, пожалуй, Сяобай давно уже забыл переулок Чуньни.

Ему больше не нужно было лакать грязную жижу из сточных канав; пес безмятежно развалился на просторном газоне клана Линь, катался по траве, а взамен получил конуру, которую вполне можно было назвать роскошной.

И самому Фу Шиюю больше не приходилось за запертой на засов дверью снова и снова пересматривать до дыр заученные сериалы. Он спал на втором этаже дома семьи Линь, в спальне, из которой были видны звезды.

И всё это ему подарил человек, стоявший перед ним.

— Няня сегодня не приходила готовить? — Линь Чжицзе посмотрел на него. Если взвесить его на руках, судя по всему, в весе он так и не прибавил.

— Нет... Просто дома был только я, а няня каждый раз готовит столько, что я не могу всё осилить, и еда потом пропадает зря, поэтому, когда дома никого нет, я прошу её не приходить.

Кто-то готовит еду, кто-то стирает одежду — ему совершенно не нужно было забивать себе голову этими мелочами, точно так же, как он сам, без чьих-либо наставлений, научился подливать чай и подавать воду. И всё же никто не обязывал его проявлять такую мягкость и заботу, хотя Линь Чжицзе порой охотно этим пользовался.

Фу Шиюй вглядывался в его выражение лица, гадая, чем же Линь Чжицзе опять недоволен. Неужели тем, что он самовольно отпустил няню и велел ей не приходить?

Второй братец когда-то говорил ему, что его главная задача — радовать Линь Чжицзе, пусть даже эта радость будет мимолетной.

Он тоже хотел радовать Линь Чжицзе, однако это казалось непосильной задачей. К тому же он

уже не ребенок, чтобы цепляться за штанину и выпрашивать милости сладкими речами.

Порой излишнее усердие вызывает лишь раздражение. Прямо как сейчас, когда Линь Чжицзе забрал его одежду:

— Если что-то не входит в твои обязанности, не делай этого, понятно?

Он вечно занимался тем, что было лишним. Опустив голову, Фу Шиюй ответил, что понял.

— Ты очень обрадовался возвращению Юэцина.

Вероятно, потому что Фу Шиюй вдруг умолк, став совсем не похожим на себя прежнего.

Фу Шиюй не знал, что на это ответить, ведь перед вторым братцем не нужно было ходить на цыпочках, не приходилось угадывать его переменчивое настроение. Сам же Линь Чжицзе являл собой текст для чтения с подтекстом, на который вечно не существовало правильных ответов, а у Фу Шиюя, на беду, по китайскому языку всегда была худшая оценка.

Заметив, что Фу Шиюй даже не пытается скрыть свои мысли, Линь Чжицзе чуть тронул уголками губ улыбку:

— Чего ты напрягся? Когда отец был жив, он тоже больше любил Юэцина. Юэцин в детстве был сладкоречив и умел ублажать людей куда лучше меня.

Они редко поминали Линь Цзычэна. Сегодня Фу Шиюй заметил, что у того вроде бы неплохое настроение, и, следуя за ходом его мыслей, осторожно задал еще один вопрос:

— А каким... человеком был твой отец?

Посторонним вход в кабинет был заказан, а в последний раз Фу Шиюй ступал на третий этаж в самый день своего появления в доме клана Линь.

Тогда он чинно уселся на диван, а Линь Чжицзе, закатав рукава, долго что-то искал, после чего протянул ему толстый альбом с фотографиями.

В Ганчэне не было человека, который не знал бы историю взлета клана Линь. Линь Цзычэн обладал и острым умом, и железной хваткой; он был ветреным красавцем, за которым увивались толпы поклонниц, но, встретив любовь всей своей жизни, превратился в однолюба.

Разглядывая ту старую фотографию, Фу Шиюй не удержался от вздоха:

— Это твоя мама? Какая красивая...

Линь Чжицзе стоял перед ним, и его тень целиком накрывала Фу Шиюя.

Казалось, Фу Шиюй очень любит слушать истории, особенно столь романтические, а потому, слушая рассказ, он подтянул колени к груди и сжался в комочек, устроившись так, как ему было удобнее всего.

Когда Линь Цзычэн познакомился с Тан Ин, ей было всего семнадцать.

— Она обожала танцевать, и каждый год отец устраивал ради нее балы. Однако она долго не соглашалась выйти за него замуж, видимо, считая, что они не подходят друг другу по возрасту. Говорила, что боится, будто Линь Цзычэн умрет слишком рано.

— Разница была настолько великой?

Линь Чжицзе взглянул на его сощуренные глаза:

— Не особо. Десять лет.

Тан Ин с самого рождения купалась в любви и лауре. Поздняя дочь, родители души в ней не чаяли и почитали драгоценной жемчужиной. Линь Цзычэн любил ее столь страстно, что даже не боялся стать посмешищем, вот только у нее был закадычный друг детства, с которым они росли вместе — дружили с пеленок и знали друг друга как облупленные. На их фоне Линь Цзычэн неизменно выглядел блекло.

Ганчэньевые СМИ то и дело клеймили его в разгромных статьях, а на обложках еженедельников красовались броские заголовки: тысячелетний негодай воспылал вечной любовью.

Впрочем, они все же признавали искренность его чувств.

— А если бы выбирал ты, кого бы предпочел?

Заданный Линь Чжицзе вопрос слегка смутил Фу Шиюя.

Опустив густые ресницы, он тихо ответил:

— Не знаю. Но тот, кто постарше, наверное, умеет лучше заботиться о других.

— Вот как?

Задававший вопросы явно не ожидал услышать такой ответ.

— Возраст тут ни при чем, ты ведь тоже отлично умеешь заботиться обо всех.

Палец Линь Чжицзе опустился прямо перед его глазами, перевоча страницу альбома.

— Наверное, всё дело в том, что Линь Цзычэн лучше всех умел ревновать. Увидев ее танцующей с другим, он мог в ярости с разбегу сигануть в бассейн, совершенно не заботясь о том, что завтра напишут в газетах. Видимо, поэтому мама в конце концов и выбрала его.

Фу Шиюй был потрясен. Он думал: неужели в таком почтенном возрасте, повидав на своем веку столько людей, Линь Цзычэн всё еще мог вести себя столь несдержанно из-за безответной любви?

Наверное, любовь способна делать человека глупым, но как раз эта глупость и служит лучшим доказательством искренности чувств.

— Когда она родила меня, сама еще была совсем юной, словно ребенок. Когда я пошел в детский сад, она весь день места себе не находила у порога дома и спрашивала, нельзя ли ей поехать в садик и забрать меня обратно. Няни в доме только и делали, что ублажали ее, и хотя на часах был всего час дня, стоило ей заикнуться — и они тут же уверяли, что уже три.

Стоило господину с молодым господином засобирааться домой, как на лице хозяйки расцветала счастливая улыбка.

Линь Цзычэн уже много лет не посещал светских раутов — все дела вел исключительно Линь Сюань. Весь Ганчэн знал: босс Линь спешит домой, чтобы разделить с любимой женой все три приема пищи.

На фотографиях в альбоме у Тан Ин были пышные длинные локоны, а на ее живом лице отражалась вся та нежность, которой ее баловали всю жизнь.

Пальцы Фу Шиюя скользнули по бережно сохраненному снимку. Такой жизни у Фу Инин не было, да и у него самого, пожалуй, тоже не будет.

Фу Инин обладала миловидной внешностью, но обитала, словно крыса, в мрачных сырых углах, где не звучали песни и не кружились нарядные юбки.

Она упрямо родила Фу Шиюя, и он часто думал: если бы не он, сложилась ли бы у матери жизнь иначе?

Все мужчины, что крутились в переулке Чуньни, норовили утащить ее с собой, но на ее руках

оставался вечно голодный крошечный мышонок, о котором нужно было заботиться. Этот мышонок панически боялся темноты и одиночества. В редкие погожие дни Фу Инин выводила его на прогулку в парк, словно они вдвоем выбирались из канализации на поверхность — погреться на солнышке и подышать ветерком.

И хотя Фу Инин бросила его на произвол судьбы — неважно даже, где она сейчас находится, — сам он жил в роскошном особняке, и даже у Сяобая жизнь наладилась по принципу когда один человек добивается успеха, все его собаки и куры взлетают на небеса.

В этот момент Фу Шиюй испытал странное, ничем не обоснованное чувство вины. Он снова вспомнил Фу Инин — во множестве таких вот мгновений.

Но он не мог произнести это вслух, потому что это была ночь памяти матери для Линь Чжицзе, и он не смел мешать.

На лице старшего брата проступило нечто сродни нежности — такое увидишь нечасто. Тоску нужно облекать в слова, и тогда Линь Чжицзе, вопреки обыкновению, заговорил о многом-многом, а сам он понял, что Фу Шиюй — самый идеальный слушатель, если не считать того, что в самом конце он случайно уснул.

Когда его, полусонного, подхватили на руки, Фу Шиюй словно вернулся в объятия Фу Инин из раннего детства, но от него не пахло тем дешевым парфюмом из воспоминаний. Этот запах был ему до боли знаком — в самый первый день в доме Линь его точно так же носили на руках.

Аромат у его носа был едва уловимым, тайным и глубоким; стоило вдохнуть его хоть раз, как он заполнил собой всю грудную клетку до отказа, заставляя терять почву под ногами и замирать от щемящего восторга. Какой-то уголок его тела отчаянно вопил, что этого мало, нужно еще, еще больше.

<http://bllate.org/book/25890/3094621>